

лит по-новому понять место ритуала в жизни народа. Наши дети даруются нам в гибком и восприимчивом состоянии. Мы не можем надеяться на воспроизводство нашей культуры в существенных ее аспектах, ставя во главу угла проблемы или исходя из того, что маленькие дети должны тщательно разобраться в высших жизненных ценностях. Скорее наша задача состоит в том, чтобы выбрать приемлемые формулировки нашей культуры и терпеливо и сдержанно, вдумчиво и с любовью стараться мало-помалу ввести незрелых членов в нашу общую жизнь. Нравы не перестают быть нравами оттого, что они христианские.

Понимание этих вещей должно помочь нам в приобретении двух очень важных добродетелей: симпатии к другим, когда они следуют нравам, которых мы не принимаем, и скромности в нашей установке по отношению к себе, своим верованиям и своим практикам. И коль скоро очень многое в нашей жизни определяется нравами наших отцов и очень многое из нашей истории забыто, то мы ответственны за то, во что мы верим и чему мы учим, гораздо меньше, чем нам иногда думается. Наша оригинальность — это часто результат нашей ущербной памяти.

Пер. с англ. В.Г. Николаева

ЭЛСУОРТ ФЭРИС

УСТАНОВКИ И ПОВЕДЕНИЕ*

В статье дается критика радикального бихевиоризма с позиций социальной психологии Мида. Автор принимает определение психологии как науки о поведении, но показывает, что при изучении человека внешнее поведение нужно связывать с его субъективным аспектом — установками. Природа установок проясняется через соотношение их с рефлексивными актами, объектами (ценностями), желаниями и мнениями.

In this paper the radical behaviorism is criticized from the perspective of G.H. Mead's social psychology. The author accepts the definition of psychology as a science of behavior but shows that in case of human being the overt behavior should be related to its subjective aspect, i.e. attitudes. The nature of attitudes is clarified through their relation to reflective acts, objects (or values), wishes and opinions.

Ключевые слова: установка, поведение, бихевиоризм, психология, действие, рефлексивный акт, объект (ценность), желание, мнение.

Keywords: attitude, behavior, behaviorism, psychology, action, reflective act, object (value), wish, opinion.

Николаев Владимир Геннадьевич — кандидат социологических наук, доцент социологического факультета Государственного университета «Высшая школа экономики» (Москва). Наш постоянный автор и переводчик. E-mail: vnik1968@yandex.ru.

---

* Перевод сделан по источнику: *Faris E. Attitudes and Behavior // Faris E. The Nature of Human Nature, and Other Essays in Social Psychology. N.Y.—L.: McGraw-Hill Book Company, 1937. P. 144-154.*

Не так уж много лет прошло с тех пор, как психология впервые была определена как наука о поведении. Значимость этой формулировки состоит в признании важности действия и движения, а также необходимости включать в поле зрения не только описание и объяснение ментальных состояний. Благотворные результаты этой новой концепции были обречены на отсрочку начавшимся несколько лет спустя ростом напористой и агрессивной группы ученых, которые взяли слово «поведение» (behavior), присовокупили к нему суффикс «-изм» и принялись настаивать на том, что психология устарела и предметом научного исследования могут быть сделаны только движение и действие. Изучать мышление, чувствование и воображение оказалось трудно; поэтому ради сбережения усилий было отвергнуто само их существование. Бихевиорист похвалится тем, что у него нет разума, и упивается своей неспособностью мыслить.

Хотя еще очень рано оценивать последствия этой последней главы в нашей текущей истории, совершенно ясно, что вместе с приобретением, выраженным в вынесении на передний план объективного наблюдения, мы получили и потери сразу в нескольких направлениях. Прежде всего, мы стали свидетелями сотворения ужасающих неологизмов, которые кажутся просто переводами знакомых нам терминов на неуклюжий и скверный язык. Вместо «воображения» мы читаем о «паттернах нейропсихической поведенческой реакции», вместо «мышления» нам приходится слышать об «имплицитном ларингеальном поведении», как если бы подавленная речь не включала множество других структур и мышц. Если бы бихевиорист сказал о том, что еще не решил, что произнести, такой фразой: «В данный момент я еще не настроил свою гортань», — это вызвало бы смех, но феномен не объясняется ни по-настоящему, ни предварительно простым введением в оборот нового выражения.

У бихевиористского бунта было еще и другое, более серьезное для науки последствие. Я говорю о склонности к ограничению понятия действия внешним и видимым. В тот самый момент, когда американские психологи оказались в состоянии извлечь пользу из открытий Энджелла, Дьюи, Мида и их коллег, позволивших нам рассмотреть мышление и рефлексию как фазы действия и продолжить наши исследования с ясным пониманием природы воображения как конструктивного процесса, оказавшегося необходимым по причине неадекватности существующих привычек и для того, чтобы могли быть открыты новые способы действия, — в тот самый момент, когда мы достигли этой точки, молодых людей стали информировать о том, что «весь традиционный гам состояний сознания и субъективных понятий должен быть выброшен за борт». Разумеется, каждый владелец судна и его содержимого может выбросить за борт часть груза или весь груз, каким бы ценным он ни был, но разумные люди будут его беречь, насколько это возможно. Психолог может выбросить за борт тенденции к действию, эмоции, чувства, хотения и желания, но люди, которые живут и трудятся, не будут выбрасывать их за борт. Не будут делать суды, наниматели, любящие, родители, учителя. Психологи могут пренебрегать важными сторонами человеческой природы, когда чувствуют себя некомпетентными в их исследовании, но когда-нибудь появятся другие работники, которые попытаются дать нам понять, чем живут люди, как и зачем. Для психологов служит уроком объявленное вне закона движение, известное как психоанализ; оно выстроило внушительное здание исключительно на желаниях, сознательных и бессознательных. Ибо есть нечто неизбежное в том, что одна крайность порождает другую.

Одна из сторон нынешнего отрицания важности субъективного аспекта опыта проявилась в критике понятия «установка», начатой Симондсом (см. прим. 1) и продолженной Бейном (см. прим. 2). Энергичная атака последнего стала, видимо, своевременной попыткой по-новому установить некоторые из наиболее элементарных аспектов акта и связать действия с установками, желаниями, хотениями, мнениями и объектами. Здесь не предполагается внести какой-либо оригинальный вклад. Цель этого обсуждения – выдвинуть конструктивное утверждение о том, что некоторые из нас находят, к своему удивлению, отнюдь не общим свойством социальных психологов. Начнем с «действий».

Человеческая жизнь складывается из действий, но между одним актом и другим мы иногда делаем передышку. Есть долины покоя между горными кряжами дерзаний. Великолепная и содержательно богатая книга Раупа об удовлетворенности определяет этот покой, или спокойствие, как в некотором смысле завершение или цель усилия, или действия. Гештальт-психологи говорят об этом же феномене как о «равновесии». Если я правильно понял Вудворта и Холлингворта, то и они передают своими словами эту же идею. Отсюда следует, что действие вообще делится на отдельные акты в частности. Более того, можно показать, что эти отдельные акты имеют начало и завершение. Некоторые из них имеют еще и середину, и это главная причина, по которой должны быть не только бихевиористы, но и психологи. Ибо в середине, или опосредующей фазе, некоторых наших актов возникают и становятся исключительно важными субъективные опыты.

Действия людей – это не только отдельные и обособленные события; они имеют также структуру, или форму. Имеется темпоральный гештальт, конфигурация, организация. Когда акт завершается, его консуммацию можно описать в терминах опыта. В наших крупных коллективных деятельности эта консуммация обычно помечается формальной церемонией; отсюда «торжественное открытие» общественных зданий, официальный ритуал присвоения степеней в колледжах, торжественное подписание мирных договоров и акты заключения прочих договоров. Однако отдельные действия индивидов тоже имеют такой же характер, и можно точно описать чувство удовлетворенности или неудовлетворенности, возникающее тогда, когда акт, предприятие или проект доводятся до конца, завершаются, консуммируются. Ведь акт – это не просто серия движений; скорее это серия движений плюс некоторая цель прилагаемых усилий, некоторое конечное состояние, имеемое в виду. Движения интегрируются в акты именно тем, что есть воображенная цель и ощущаемое единство. Даже самое поверхностное поведение получает свой сущностный характер от субъективного опыта. Хозяйка может упрямо настаивать на том, что задача не выполнена, в то время как служанка может утверждать, что все сделано. Вопрос о выполненных движениях не ставится; суть дела – в разных субъективных картинах того, что было задумано.

Но если действия имеют завершение, то они должны иметь и начало; и начало есть неотъемлемая часть акта настолько же верно, насколько начало гонок является частью гонок, а начало лекции – частью лекции. И вот здесь проявляется еще один катастрофический момент безжалостного избавления бихевиористов от груза, т.е. выкидывания ими за борт желаний, целей и субъективных состояний. Ибо, хотя и бывают механические движения, такие как бездумные и бесцельные акты, наше значимое поведение берет начало в том типе опыта, в отношении которого мы употреби-

ляем такие слова, как «намерение», «цель», «мотив». Часто наблюдаемые в последнее время попытки изучать лишь движения, оставляя изучение субъективного какой-то другой псевдонауке, привели к нелепому результату: отождествлению совершенно разных действий. Между умышленным убийством и убийством по неосторожности *есть* разница, хотя движения могут быть одинаковыми. Между самоубийством и случайной гибелью *есть* разница. Д-р Кэван в своем исследовании самоубийства обнаружила, что очень полезно изучать у людей «желание смерти», ибо желание умереть — это зачаточный суицид. Жертвовать деньги на благое дело — не то же самое, что давать те же деньги с целью завоевать симпатии публики. Сказать, что акт один и тот же, а мотивы разные, значит упустить существенную природу сравниваемых актов. Два акта при этом совершенно различны, ибо внешнее без внутреннего является всем актом не больше, чем внутреннее в отрыве от внешнего. Поведение без цели является случайностью, цель без поведения — грезой. В спланированном акте есть и воображение, и движение.

Есть акты, приближающиеся к автоматическим и механическим. В этот класс обычно включались некоторые рефлексы и усвоенные деятельности, вызываемые соответствующим стимулом. Нажатие на тормоза в автомобиле или даже быстрый поворот руля при виде внезапной преграды — типичные примеры таких автоматизмов. Мы можем говорить о них как о «непосредственных» актах. Для описания такого поведения часто используется слово «инстинктивно», хотя координация, разумеется, является приобретенной. Важнее для нашего обсуждения класс актов, которые мы называем «рефлексивными»; это действия, требующие обдумывания, планирования, рассуждения, выдумывания средств для выхода из трудного положения. Эти акты происходят тогда, когда ситуация контингентна и под рукой нет готовых средств, которые позволили бы действию продолжаться до завершения, или конsummации. Неопределенность присутствует внутри и вовне, внешне и внутренне. *Ситуация* определяется несовершенным образом, поскольку на нее нет готовой *реакции*. В строгом смысле слова, здесь нет ни стимула, ни реакции; вместо стимула имеется нечто двусмысленное, или смутное, по отношению к чему нам хотелось бы действовать, а вместо реакции — порыв, или напряжение, от которого мы не знаем как избавиться. «Я не могу понять это письмо; не знаю, что с ним делать; интересно, что же мне делать». Именно в попытке решения проблем посредством рефлексии феномены воображения, смысла, желаний и хотений навязывают себя вниманию психолога.

Чтобы показать, что установки, рассматриваемые как тенденции к действию, принципиально важны для адекватного истолкования поведения, необходимо в первую очередь подчеркнуть темпоральность действия. Даже самые быстрые акты требуют измеримой временной протяженности; одни акты занимают минуты, другие — часы, какие-то планы требуют многолетних усилий. Никакое обсуждение актов не может быть адекватным, если оно не принимает в расчет, наряду с настоящим, прошлое и будущее. Более того, когда акт завершен, состояние актора неизбежно меняется. «Пережить» значительный опыт значит навсегда измениться; каждый рефлексивный акт оставляет после себя некоторое перманентное последствие. Сохраняется некоторый осадок — не только в опыте, но и в поведении. Итогом становится установка. Неприятный опыт может оставить в человеке пристрастность, или предубеждение, которого у него никогда раньше не было. Нежданно удачный опыт может полностью поменять его расположенность, или склонность, к объекту его действия.

Следовательно, действие имеет длительность, и, когда оно проходит по своему курсу и доходит до завершения, возникают последующие эффекты, с которыми важно считаться. Меж тем у отрезка два конца; протяженность акта ограничена с двух сторон. Помимо остаточных эффектов, следующих за актом, есть важные моменты, связанные с предшествующими условиями действия. Ибо, как бы следствия данного акта нас ни заботили, в равной мере нас интересует и то, каким будет будущее действие. Поведение важная вещь; то, что люди делают, принципиально важно; но нас интересует и то, что они будут делать, к деланию чего они будут побуждаться. Отсюда необходимость (принципиальная необходимость) рассмотрения установок как тенденций действия.

Один автор удивлен тем, что некоторые рассматривают установки как «желательные результаты образования». Представляется неправдоподобным, чтобы кто-то мог знать, хотя бы поверхностно, наши общественные школы и сомневаться в том, что установки рассматриваются в них как желательные результаты образования. Конечно, в школах некоторые установки целенаправленно порицаются, но другие создаются долгими и кропотливыми усилиями. Преподавание истории и литературы практикуется прежде всего с целью создать установки по отношению к нашей нации и другим нациям, по отношению к одобряемым сообществом социальным и моральным объектам.

Мы не только испытываем жизненно важный интерес к тому, что люди намереваются делать, но и заинтересованы в создании предрасположений и склонностей, которые заставят их делать то, чего мы желаем. Поэтому у нас есть школы, евангелисты, газеты и организации, стремящиеся изменить условия и создать тенденции к определенным типам поведения.

Итак, бихевиористу незачем интересоваться этим предметом и незачем пытаться открыть или понять установки. Но психолога всегда интересовал весь опыт в полном объеме, и даже если бы оба — бихевиорист и психолог — в равной мере перестали интересоваться этим предметом, это значило бы всего лишь, что на эти настоятельные вопросы попытается ответить кто-то другой. Нужды людские императивны; вопрос лишь в том, какая наука или какие науки появятся для того, чтобы удовлетворить эти нужды, т.е. поставить проблемы, проанализировать их, изобрести методы исследования и получить ценные и полезные обобщения и законы.

В принятом в этой статье смысле установка есть тенденция к акту. Этот термин обозначает некоторую склонность, наклонность, готовность, предрасположенность, тяготение к некоторому типу деятельности. В этом смысле установка не может быть актом, хотя может быть началом акта. Иногда это слово используется для обозначения мышечного настроя, когда акт имманентен, однако смысл его не может быть таким образом ограничен. Ведь этим словом пользуются люди, а мы имеем дело с людьми, и потому об установке человека нужно говорить и в том случае, когда имманентного поведения нет. Даже в моменты «умиротворенности», покоя, или равновесия, о которых говорилось выше, мы должны иметь возможность допустить существование установок как тенденций — латентных, но реальных. Один человек, которого я хорошо знаю, имеет очень решительные установки, и многие из этих установок я знаю настолько хорошо, что мог бы установить их со всей уверенностью в точности формулировки. У него есть несомненные установки по отношению к сухому закону, тарифам, Лиге Наций и Герберту Гуверу. У него есть эти установки и еще много

других. Все они есть у него сейчас, хотя в момент, когда я это пишу, он деловито погружен в дела, очень далекие от любого из названных объектов. Все-таки сейчас эти установки у него есть, это тенденции совершенно определенного рода, и его будущие действия будут результатом этих тенденций (см. прим. 3).

Природа установок станет яснее, если рассмотреть их в связи с объектами и теми эмоционально окрашенными объектами, которые уместно называют ценностями. Здесь тоже очевидна некоторая путаница, но ничего сложного в ней нет. Ведь установка — это установка по отношению к чему-то, с чем она связана. Когда нарушается равновесие и результатом этого становится осознанный и преднамеренный акт, одним из следствий является образование в опыте нового объекта, а установка, или осадок (*residue*), есть коррелят этого объекта. Ромео встречается на празднике Джульетту, и вскоре девушка становится для него любимым объектом, ценностью. Мы можем говорить об установке Ромео по отношению к объекту, Джульетте. Это взаимосвязанные термины, возникающие в опыте одновременно. Когда меняется объект, меняется и установка, и наоборот. При этом нетрудно отличить мою ненависть от моего врага, который является объектом этой ненависти. Пока люди не станут безнадежно неспособными отличить голод от бифштекса, с прояснением различия между ценностью, или объектом, и установкой не должно быть никаких трудностей.

Следует, однако, заметить, что объекты принадлежат опыту. Что есть объект сам по себе, психологию не интересует; ее интересует лишь то, как он дан в опыте. Ведь мы живем в мире «культурной реальности»; все убранство земли и весь хор небесный надо описывать и обсуждать так, как их мыслят люди. Икра не деликатес для простонародья. Коровы не пища для индуса. Мухаммед не пророк для меня. Для атеиста Бог вообще не Бог. Объекты не пассивно воспринимаются, и мы не реагируем на них автоматически; скорее объекты возникают как результат успешной попытки организовать опыт, и экстернализированный аспект этой организации есть объект, или ценность, а внутренняя, или субъективная, тенденция по отношению к нему — установка. Повторим еще раз: имя, которым этот аспект человеческой природы будет обозначен, совершенно несущественно. Существенно то, что тенденция, предрасположение, организованная склонность важнее всего и что этому аспекту личного опыта соответствует экстернализированный объект тенденции, который люди называют «объектом», или «ценностью».

Недавно предметом обсуждения стали еще два понятия — «желание» и «мнение». Это тоже важные аспекты действия, и каждый из них мы коротко здесь рассмотрим.

Желание не характерно для состояния покоя. Некоторые желания, или хотения, настолько слабы и незначительны, что могут даже не замечаться, но легко показать, что, желая, мы всегда пребываем в состоянии некоторого напряжения. Нам всегда чего-то не хватает. Голодный человек желает поесть. Когда он поест, это желание уходит. Его порыв «удовлетворен»; он исчезает. Рискну сказать, что желание можно определить как порыв, соединенный с образом объекта удовлетворения. Следовательно, желание — это аспект, или фаза, недовершенного акта. Здесь кроется одно из удобных различий между желаниями и установками. Установка существует как тенденция, даже когда она латентна; желание же всегда является более или менее динамическим, или кинетическим. О человеке можно сказать, что у него есть установка по отношению к кофе. Если он очень любит кофе, то время от времени у

него может возникать желание его выпить. Выпив с наслаждением три чашки, он все еще имеет эту установку, причем ту же самую, по отношению к объекту, кофе; но, будем надеяться, желания еще выпить кофе при этом у него уже не будет. Когда-нибудь потом это желание может появиться опять. Но в данный момент установка у него есть, а желания нет.

Если вышеприведенные соображения убедительны, то отсюда следует, что желание — не предрасположенность к акту, а действительная часть акта. Некоторые акты так и не достигают завершения, но если желания достаточно сильны и не предполагают актов, слишком трудных по своей природе, то нам не составит труда рассмотреть желания как существенные фазы действий, продолжающихся до завершения. Если желание отбрасывается, акт остается незавершенным. Увы, многие из наших замков всего лишь воздушные!

О связи мнений с ответами на вопросники, в которых спрашивается об установках, здесь нет нужды говорить много. Мы можем в целом положиться на вердикт множества исследователей, предпринявших спешные попытки изучить установки с помощью этого короткого, простого и тщетного метода. Казалось бы, очевидно, что реакция на анкету сама по себе акт; если утверждение касается какого-то объекта, то можно полагать, что существует установка по отношению к этому объекту. Но когда человек говорит или пишет, он говорит или пишет кому-то, и объектом действия в этом случае часто становится анкетер, а не предмет, о котором анкетер хочет получить информацию. Печальный опыт Бейна и других в связи с вопросами и ответами касательно установок можно истолковать как результат невнимания к тому, что в опросе присутствуют четыре фактора, а не три. Поскольку четвертый фактор, исключительно важный, никак не учитывался, результаты оказывались в большей или меньшей мере лишенными ценности. Но даже если бы четвертый фактор, анкетера, удалось устранить, не было бы никаких гарантий, что остальные три фактора войдут друг с другом в однозначное соответствие. Есть все основания считать, что такого соответствия не будет. Установка существует, и объект установки является ее коррелятом; но резон, мнение, рационализация — все это гораздо более переменчиво, и нужно разработать более точные методы, если мы хотим узнать, какими являются установки и как их выявить (см. прим. 4).

В рамках этой главы мы не можем обсудить метод изучения установок. Терстоун предпринял впечатляющую попытку применить к этой проблеме рафинированный статистический метод (см. прим. 5). Построить шкалу для измерения установок группы или индивида явно труднее, чем первоначально предполагалось, хотя первая задача, видимо, проще второй. Общий принцип, принятый Терстоуном, состоит в согласованности ответов на серию вопросов с экспрессиями группы, установки которой известны из других источников, нежели ответы ее членов на вопросы анкеты.

Специалист в этой области напомним об исследованиях таких авторов, как Уильямс (см. прим. 6), показавших полезность и даже необходимость утверждения о существовании бессознательных установок. Джон Дьюи в блестящем обсуждении этой темы показал необходимость допустить наличие установок, которые актору нет нужды сознавать, чтобы интерпретировать не согласующееся с ними поведение (см. прим. 7). Таким образом, оказывается, что понимание установок как тенденций к акту становится обязательным для исследователя не только при предсказании того, что будет делаться, но и при интерпретации поведения актора в прошлом.

Настаивание на важности субъективного аспекта личности не должно непременно быть поводом для ослабления интереса к центральной важности действия и поведения. Оно означает лишь, что поведение не всегда бывает явным и внешним. Иногда река течет под землей, и воды бегут ее по каналу, незримому для человеческих глаз, по руслу, которое не зондируется никаким инструментом. Но она есть, и нужно использовать все методы, какие только можно изобрести, для ее изучения. Единственный непростительный научный грех — это отрицание того, что под землей есть какой-либо поток.

При таком уточнении термин «поведение» мог бы быть очень ценным. Ведь личность человека и его характер подразумевают действия; то, что мой друг для меня значит, — это то, что он будет мне и для меня делать, включая то, что он уже сделал. Внутренняя жизнь моего друга — неотъемлемая часть его действия, и нужно утверждать не о реальности субъективного опыта как чего-то противоположного движению, а о реальности его как фазы движения, каким-то образом к нему подсоединенной.

Нам нужно не отрицать трудности, а упорно думать, усердно работать и искать средства для того, чтобы выудить тайны природы в сфере личности так, как это делали ученые-естествоиспытатели. Нам нужно изучить генезис индивидуальных установок и узнать, как они обретают свое качество и свою силу. Нам нужно выяснить разницу между индивидуальными установками и коллективными, или массовыми установками, ибо между ними, видимо, есть существенное различие. Как меняются установки и как они разрушаются — это проблема или скорее класс проблем, для решения которых в настоящее время прилагается много усилий; однако в этом винограднике нужно больше работников. Есть еще проблема измерения и предсказания. Есть и проблема связи между врожденным и неизменным, с одной стороны, и социальным и приобретенным — с другой. От последней зависят такие важные политические проблемы, как, например, национальная иммиграционная политика.

Но здесь не место представлять список исследовательских проектов по изучению установок. Мы попытались показать, что понимать установки не просто важно, а существенно важно. Позже может оказаться более удобным другое слово, и в попытках передачи друг другу мыслей мы можем и должны придерживаться более желательных единообразий. При этом важно здесь то, что невидимые субъективные переживания людей являются неотъемлемой частью их объективных движений. Пренебречь изучением установок значит так никогда и не понять личность.

Примечания

1. См.: Psychological Bulletin. March, 1927. P. 200.

2. См.: American Journal of Sociology. Vol. 33. May, 1928. P. 940-957.

3. Некоторых ученых заботит вопрос определения слова «установка» и непоследовательности в его употреблении. Это скорее лексикографический вопрос, чем научный. Слово означает то, что люди, употребляя его, имеют в виду, и в большинстве словарей терпеливо регистрируются все употребления слов в языке. Если какой-то автор непоследователен — а большинство из них здесь дают слабину, — то его можно считать ответственным за оплошность; но научного прогресса просто вынесением решений о словах достичь нельзя. К тому же все знают, что вместо слова «установка» употребляются и другие слова, обозначающие фактически то же самое: например, слова «тенденция», «предрасположенность», «диспозиция» и «привычка». Новичка это смущает; но если мы мыслим денотативно, то не сможем уйти далеко от сути. Даже слово «установка» можно без потерь отбросить, заменив его бессмысленным символом. Так, мы могли бы говорить об элементе X, остающемся в качестве осадка от прежнего действия и предрасполагающем к некоторому будущему акту или типу актов.

4. См.: *Pareto V. Traité de sociologie*. Paris, 1919, – где можно найти подробное обсуждение трех элементов: *résidues, dérivations и dérivées*.

5. См.: *Thurstone L.L. Attitudes Can Be Measured // American Journal of Sociology*. Vol. 33. January, 1928. P. 529-554.

6. См.: *Williams J.M. Foundations of Social Science*. N.Y., 1920. Ch. XIV.

7. *New Republic*. November, 1927.

Пер. с англ. В.Г. Николаева

МЕЛВИЛЛ ДЖИН ХЕРСКОВИЦ

СОЦИАЛЬНЫЙ ПАТТЕРН: МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ*

В этой ранней статье М.Дж. Херсковиц выдвигает утверждение, что социология должна отказаться от прежних априорных теорий и принять исторический метод, получивший развитие в антропологии. Это делает предметом социологии культуру и требует изучения социальных феноменов в контексте их исторического бэкграунда и сложившихся в данной культуре паттернов. Применение понятия социального паттерна к конкретным феноменам иллюстрируется на примере исследования занятости мужей и жен в негритянском сообществе Нью-Йорка.

In this earlier article M.J. Herskovits advances a statement that sociology must get rid of its former a priori theories and accept a historical method as it has been developed in anthropology. This makes culture the subject for the research of the sociologists and requires studying social phenomena in the context of their historical background and established patterns of a given culture. The application of the notion of social pattern to particular phenomena is illustrated by author's investigation of occupational activities of husbands and wives in the Negro community of New York.

Ключевые слова: *социальный (или культурный) паттерн, социология, исторический метод, культура, аккультурация.*

Keywords: *social (cultural) pattern, sociology, historical method, culture, acculturation.*

С тех пор как социология получила признание как предмет, достойный изучения, теорий, объясняющих социальное поведение людей, у нас всегда было хоть отбавляй. Тем, что, по меркам истории науки, она стала таковым сравнительно недав-

---

Николаев Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, доцент социологического факультета Государственного университета «Высшая школа экономики» (Москва). Наш постоянный автор и переводчик. E-mail: vnik1968@yandex.ru.

---

* Перевод сделан по источнику: *Herskovits M.J. Social Pattern: A Methodological Study // Social Forces*. 1925. Vol. 4. N 1. P. 57-69.